

УДК 340.111.5

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-184-188

Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации**Краснов А.В.**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Алемпиев Г.С.

Студент юридического факультета Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Цифровизация как объективный процесс способна не только изменить техническую составляющую правового регулирования, но и повлиять на появление новых правовых средств, а также существенно скорректировать структуру правовых отношений, что обуславливает актуальность исследуемой тематики. Целью исследования выступает формирование научных знаний о возможных формах трансформации структуры правоотношения в цифровую эпоху. Авторы ставят такие задачи, как общий анализ структуры правового отношения, рассмотрение факторов влияния искусственного интеллекта на понимание объекта и субъекта правового отношения, раскрытие моментов сближения указанных категорий. В работе подвергаются научному переосмыслению проблемы понимания субъекта и объекта правоотношения в условиях цифровизации, а также даются практические рекомендации в плане внесения изменений в действующее законодательство. На базе использования искусственного интеллекта обосновывается введение категории «квазисубъекта» с ограниченной правосубъектностью. Тем самым исследование расширяет видение традиционных элементов структуры правового отношения, формулируя новое видение будущей категории субъекта и правосубъектности.

Ключевые слова: цифровизация, правовое отношение, искусственный интеллект, структура правового отношения, субъект правового отношения, объект правового отношения, правосубъектность

Для цитирования: Краснов А.В., Алемпиев Г.С. Трансформация структуры правоотношений в условиях цифровизации // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 184–188. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-184-188.

Одной из центральных категорий теории государства и права является правоотношение. Система правоотношений выступает базисом правового регулирования и возникает в процессе реализации права. Существует множество вариантов их опреде-

ления, соотношения с социальными, юридическими аспектами, нормами и т.д. Правоотношение может трактоваться: либо как фактическое общественное отношение, урегулированное нормами права, отношение между людьми (или организациями людей),

в котором их связь состоит в правомочиях и юридических обязанностях (то есть в индивидуальных моделях поведения) [1, с. 89], либо как взаимодействие сторон общественного отношения [2, с. 58], либо как регулируемое общественное отношение, взятое в единстве его юридической формы и юридически значимого содержания [3, с. 23]. Разделяется также «правоотношение-модель» и «правоотношение-отношение» (по существу – реальное, фактическое поведение) [4, с. 115, 144]. Правоотношения есть социальные отношения, урегулированные нормами права, в которых участники обладают взаимными правами и обязанностями, позволяющими реализовывать свои интересы в особом порядке, охраняемом государством [5, с. 115, 144].

Базовыми признаками правовых отношений (как особого вида общественных отношений) являются такие, как урегулированность нормами права, формальная определённость поведения участников, властность, обеспеченность государственным принуждением на случай нарушения, взаимосвязь всех субъектов на основании прав и обязанностей, а также их возникновение, изменение и прекращение на основе правовых норм [6, с. 276–277].

Структура правоотношений представляет собой сложную взаимосвязь его элементов, а именно: субъектов, объектов, юридических фактов, а также включает в себя содержание в виде субъективных прав и юридических обязанностей.

Традиционно под субъектами правоотношения понимаются их участники, которые наделяются взаимными субъективными правами и обязанностями, способные своими действиями их приобретать и осуществлять [7, с. 214]. В самом общем виде принято классифицировать субъектов правоотношений на индивидуальные (физические лица) и коллективные (организации, государственные органы, государство).

Следующим важнейшим элементом системы правоотношений выступают объекты. Именно их наличие и порождает возникновение и формирование правоотношений, как следствие, отсутствие объекта права лишает смысла существование правоотношений. Изначально на базе науки гражданского права формировалась концепция объекта-блага, которая концентрируется на интересах субъектов [8, с. 284; 9, с. 8].

Существуют две основные концепции трактовки объекта правоотношений: монистическая и плюралистическая. Сторонниками первой являлись Я.М. Магазинер, Д.М. Генкин, Б.С. Никифоров, О.С. Иоффе. Согласно монистической концепции, главным объектом правоотношений выступает предмет, выраженный действием субъектов [10, с. 157].

Плюралистическая же концепция является более популярной и разделяется многими учёными (М.М. Агарков, С.С. Алексеев, Л.А. Лунц, М.Н. Мар-

ченко, Н.И. Матузов). Подразумевается наличие множества объектов правоотношений, многообразных настолько же, сколько и сами правоотношения [11, с. 95–96].

Несмотря на то что система правоотношений фундаментальна и выступает базисом правового регулирования, её структура также подвержена изменениям в условиях быстро развивающегося общества. Одной из тенденций такого развития является цифровизация. По нашему мнению, наиболее значимое влияние указанный процесс оказывает на субъекты и объекты правоотношений.

Вопрос цифровизации многоаспектен; в рамках данной статьи мы исследуем проблему на примере перспектив внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в систему правового регулирования и дальнейшие тенденции её адаптации под складывающиеся условия. Реалии таковы, что ИИ развивается стремительными темпами, растёт его автономность, адаптивность, что приводит к ситуации, когда имеющиеся правовые нормы не успевают за развитием системы и возникает ряд актуальных вопросов.

Новизна регулирования приводит к тому, что отсутствуют теоретическая основа и нормативные положения, что не позволяет конкретизировать модель правосубъектности ИИ. Также стоит указать, что в мире отсутствует единая позиция по данному вопросу. Так, например, в некоторых странах ИИ наделён правосубъектностью: в Японии чат-бот *Mirai* стал резидентом *Shibuya*, в 2021 г. в ЮАР был выдан патент искусственному интеллекту и, как следствие, появился соответствующий претендент [12]. В данных ситуациях наблюдается некоторая тенденция приближения правового статуса ИИ к правосубъектности физического лица, однако существуют и иные случаи.

Ярким примером таковых является ситуация, произошедшая в 2018 г. в США [13]. Беспилотный автомобиль столкнулся с велосипедистом, что привело к смерти последнего. В ходе разбирательства вопрос об ответственности менял свой характер. В том же году обвинение было предъявлено компании *UBER*, тестирующей и внедряющей беспилотные такси на базе искусственного интеллекта, аргументировалось это различными недостатками системы, несовершенством её функционирования. Но в 2020 г. лицо, привлекаемое к ответственности, сменилось на водителя, ибо было установлено, что он не соблюдал требования безопасности, как следствие, были выдвинуты обвинения в причинении смерти по неосторожности. Юнит ИИ изначально не рассматривался как ответственное лицо и, более того, выступал в роли объекта правоотношений, а не субъекта. Данная ситуация демонстрирует, что, несмотря на высокие возможности искусственного интеллекта, ключевым фактором является тот факт, что у него отсутствует сознание, что перекладыва-

ет ответственность на оператора, которому «подчинён» юнит ИИ.

В каких-то странах ИИ выступает полноправным субъектом правоотношений, а в каких-то расценивается как объект. В России за ИИ признаётся свойство объекта правоотношения, так как цифровые права рассматриваются в качестве объектов гражданских прав (ст. 141 Гражданского кодекса РФ) [14].

Существует также совсем иной взгляд на ситуацию, а именно концепция электронного лица, основной идеей которой является наделение юнита ИИ правосубъектностью. При этом стоит указать, что обладать он будет не только правами, но и обязанностями, а, как следствие, при нарушении законодательства будет облагаться соответствующими санкциями. Данная концепция подразумевает разработку отдельной модели, отличающейся от уже существующих, она должна быть адаптивной, способной изменяться параллельно с развитием систем на базе ИИ, исходя из этого, по нашему мнению, данная концепция является оптимальной и самой перспективной.

Однако возникает ряд трудностей в связи с реализацией этой концепции. Первая трудность возникает при определении и присвоении статуса электронного лица системе на базе ИИ, а именно: на основе каких критериев это будет осуществляться и в какой форме. Здесь мы обратимся к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (авторства Д.С. Гришина (*Grishin Robotics*) и международной юридической фирмы *Dentons*) предложения дополнить Часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации новой главой и, в частности, ст. 127.1 «Понятие робота-агента» [15].

В нём описывается целый алгоритм определения и присвоения статуса так называемого «Робота-агента» электронной системе. Однако проект имеет свои недостатки. Одним из таковых является то, что он не фиксирует конкретные требования к «роботу-агенту», за исключением регистрации. То есть концепция в целом не рассчитана на высокую автономность системы, и ответственность всецело несёт собственник. Но стоит отметить, что у «робота-агента» подразумевается наличие обособленного имущества, а также возможность приобретать и осуществлять гражданские права.

Разработчики проекта тем самым сторонятся наделения юнитов ИИ полноценной правосубъектностью, однако, как мы считаем, степень развития ИИ позволяет так или иначе наделить его некоторой правосубъектностью. Данная концепция будет подразумевать постепенное развитие, которое впоследствии должно привести к полной инклюзивности [16] – то есть электронное лицо должно выступать

самостоятельным субъектом права, однако есть ряд нюансов [17, с. 302].

Дабы урегулировать правосубъектность юнита ИИ должным образом, потребуется поделить сферы деятельности программы на несколько групп, по признаку степени тяжести причинённого вреда/ущерба в случае ошибки программы или сбоя в её работе. Так, если юнит ИИ осуществляет свою деятельность в сфере, где ошибка влечёт за собой замедление работы и небольшие убытки для собственника, при этом не причиняя вред здоровью, жизни, не приводя к финансовым убыткам потребителя, систему можно наделить правосубъектностью. Таким образом, однократные ошибки и сбои в работе будут приводить к соответствующим санкциям. В их реестр можно включить ограничение деятельности на какой-то срок, ограничение функционала, и юнит ИИ будет обязан их выполнить. Если же ошибки в работе системы будут повторяться, то юнит ИИ будет лишён статуса субъекта и ответственность за него будет нести лицо, на которое трудился юнит ИИ, то есть обретёт статус объекта.

Другое дело, когда юнит ИИ осуществляет деятельность в сфере, где его ошибка может нести серьёзный ущерб здоровью граждан, смерть или же большие финансовые потери потребителя. В данном случае юнит ИИ не может обладать правосубъектностью, а ответственность должен нести собственник, а в некоторых случаях – и производитель.

Стоит оговориться о несовершенстве данной концепции, ибо подразумевается разработка отдельного алгоритма распределения юнитов ИИ по группам, согласно их сфере деятельности, что непосредственно потянет за собой ряд трудностей. Так или иначе, это приведёт к созданию новой формы правосубъектности, отличающейся на базовом, теоретическом уровне от уже имеющейся, где ИИ в любом случае будет оказываться на стыке субъекта и объекта, т.е. иметь адаптивную своеобразную модель, в которой правосубъектность будет присваиваться в зависимости от ситуации. В таком случае юнит ИИ, вероятно, получит статус квазисубъекта.

Именно концепция квазисубъекта, по нашему мнению, будет активно внедряться в структуру правоотношений. Как говорилось ранее, наделение юнита ИИ полной правосубъектностью не представляется возможным, по крайней мере в ближайшее время [18]. Однако существовать автономно, принимать самостоятельные решения, которые не охватываются волей владельца, система способна, а вот нести ответственность в некоторых ситуациях – нет.

Таким образом, цифровизация как объективный процесс влечёт за собой вполне осязаемые изменения в структуру правоотношений, в частности, приводит к трансформации традиционных представлений об объектах и субъектах правоотношений. ИИ, как создание рук человеческих, с одной стороны,

представляет собой объект, то есть определённое благо, явившееся результатом творческого интеллектуального труда. С другой стороны, ИИ начинает наделяться определёнными самостоятельными функциями, которые в итоге требуют признания за ним хотя бы ограниченной правосубъектности, с учётом влияния на события и человеческого поведение.

При этом образуется некоторый парадокс: с одной стороны, более примитивные системы на базе ИИ, функционирующие в сферах, где не может быть причинен вред здоровью, жизни человека, могут быть наделены правосубъектностью, а с другой, более технически сложные и совершенные программы, осуществляющие деятельность в сферах, где ошибка может привести к серьёзному ущербу для потребителя, – нет. Ситуация осложняется тем, что определить границы тех самых сфер деятельности практически невозможно, ведь большинство из них пересекаются между собой. Поэтому выглядит более логичной и перспективной доработка статуса квазисубъекта и его присвоение юниту ИИ.

Как уже говорилось ранее, юнит ИИ сможет осуществлять деятельность автономно и предоставлять ряд своих услуг, которые будут защищаться законом, но при этом нести за него ответственность будет организация, на которую он работает.

Таким образом, по нашему мнению, следующим этапом изменения структуры правоотношений будет внедрение и развитие квазисубъекта в систему правового регулирования. Это будет масштабное нововведение, которое может потянуть за собой ряд последствий. В общем и целом в условиях цифровизации прослеживается тенденция «размытия границ» между субъектом и объектом права. Различные электронные программы, «боты», юниты ИИ разработчик стремится наделить большей самостоятельностью, увеличить спектр их услуг. Поэтому создание нового элемента правоотношений, такого как квазисубъект, имеет большие перспективы для дальнейшего усовершенствования системы правоотношений, повышения её способности адаптироваться под стремительно развивающийся научно-технический прогресс.

Литература:

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 127 с.
3. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрлит, 1974. 351 с.
4. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрлит, 1980. 176 с.
5. Общая теория права и государства: учеб. / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
6. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 340 с.
7. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
8. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. 404 с. С. 284–308.
9. Бевзенко А.С. Объекты гражданских правоотношений: учеб. пособие. М.: ВШЭ, 2010. 72 с.
10. Тумилович И.Э. Монистическая теория объекта правоотношений // NovaInfo. 2018. № 89. С. 156–161.
11. Горлов Е.В. Эволюционные направления развития категории объекта правоотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 94–101.
12. Dev.by. URL: https://www.google.ru/url?q=https://devby.io/news/uar-pervoi-v-mire-vydala-patent-iskusstvennomu-intellektu&sa=U&ved=2ahUKEwiG2bi094mLAXX7JxAIHdC0HTEQFnoECAwQAq&usg=AOvVaw22qR-C_dxIBCqDhB2Y-Ovz
13. Postnews.ru. URL: <https://postnews.ru/a/23867>
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
15. Гришин Д.М. Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». URL: <https://www.google.ru/url?q=http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/bESvQz3Y.pdf&sa=U&ved=2ahUKEwiR7NmX8JqLAXV6LBAIHQOfF5cQFnoECAkQAq&usg=AOvVaw3aZx2Au7-MHUrKnxA21Ybm>
16. Trends.rbc.ru. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6260fb9d9a794768ff6beb0f>
17. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. ... док-р юрид. наук. М., 2018. 420 с.
18. Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 149–157.

Transformation of the Structure of Law Relations in the Context of Digitalization

*Krasnov A.V., Alempiev G.S.
Kazan branch of the Russian State University of Justice*

Digitalization as an objective process is capable of not only changing the technical component of law regulation, but also influencing the emergence of new law means, as well as significantly adjusting the structure of law relations, which determines the relevance of the topic under study. The purpose of the study is the formation of scientific knowledge about possible forms of transformation of the structure of law relations in the digital era. The authors set such tasks as a general analysis of the structure of a law relationship, consideration of the factors of influence of artificial intelligence on understanding the object and subject of a law relationship, disclosure of moments of convergence of these categories. The work scientifically rethinks the problems of understanding the subject and object of a law relationship in the context of digitalization, and also gives practical recommendations in terms of amending the current legislation. Based on the use of artificial intelligence, the introduction of the category of "quasi-subject" with limited legal capacity is substantiated. Thus, the study expands the vision of traditional elements of the structure of a law relationship, formulating a new vision of the future category of subject and law capacity.

Keywords: digitalization, law relationship, artificial intelligence, structure of a law relationship, subject of a law relationship, object of a law relationship, law capacity

